

Глава I

Разбирая на днях свои бумаги, я обнаружил в конторке черновик письма, год назад отправленного моему школьному приятелю:

«Любезный Чарлз, помнится, в бытность нашу в Итоне всеобщим расположением ни ты, ни я не пользовались; ты неизменно отличался редкой проницательностью и хладнокровием, цепким умом и извечным сарказмом; себя изобразить не буду и пытаться, во всяком случае не припомню, чтобы персона моя была в Итоне особо популярной. Каким магнетизмом притянуло нас друг к другу — не знаю; я, определенно, никогда не питал к тебе тех чувств, что Пилад к Оресту, и уверен, что ты в отношении меня тоже далек был от чрезмерной чувствительности. Впрочем, это ничуть не мешало нам с тобой после занятий подолгу прогуливаться вдвоем и беседовать; во мнениях о школьных товарищах и учителях мы, как правило, были единомышленны; когда же я, случалось, пускался в сантименты, выказывая восторг к чему-либо изысканному, прекрасному — не важно, одушевленному или нет, — твоя сардоническая холодность в ответ нимало меня не трогала. Я ощущал себя выше этого — как, впрочем, и теперь.

Долго я не писал тебе, не видел же тебя еще дольше. Но вот недавно в руки мне попала газета вашего графства, и тут же я наткнулся на твое имя. Я пустился

вспоминать былое; все происшедшее с той поры, как мы расстались, пронеслось передо мной — и я сел и взялся писать это письмо. В какой мере ты сейчас занят, не знаю, но ежели изволишь уделить мне некоторое время, то узнаешь в подробностях, как обстоят мои дела.

Начну с того, как по окончании Итона я встретился с дядюшками по материнской линии — лордом Тайнделлом и достопочтенным Джоном Сикомбом. Меня спросили, намерен ли я принять духовный сан, и мой дядя-лорд тут же предложил мне курируемый им сикомбский приход (если, конечно, я изъявлю согласие сделаться духовником); другой же мой дядя, мистер Сикомб, намекнул, что, когда я приму сей приход, мне позволено будет заполучить в качестве хозяйки дома и первой леди прихода одну из шести моих кузин, его дочерей (которые, признаться, все как одна внушают мне великую неприязнь).

Я отказался и от сана, и от брака. Хороший священник — дело хорошее, вот только из меня он определенно выйдет прескверный. Что же насчет жены... О, одна мысль, что я навеки привяжу себя к одной из этих кузин, — сущий кошмар! Конечно, они миловидны и недурно воспитаны; однако их обаяние и прочие достоинства не задевают в моем сердце ни единой струны. Представить только, что долгие зимние вечера я буду просиживать в сикомбском приходе, в гостиной у камелька, один на один с какой-нибудь из них — например, с большой и мастерски изваянной статуей, с Сарой... Нет, плохим я буду мужем, да и священником, при таких-то обстоятельствах, тоже.

Когда я отверг предложения дядюшек, они поинтересовались, чем же тогда я намерен заняться. Я отвечал, что еще поразмыслю. Тогда мне напомнили, что я не имею ни состояния, ни каких-либо видов на наследство, и, выдержав многозначительную паузу, лорд Тайнделл сурово спросил, не собираюсь ли я пуститься по отцовским

стопам и сделаться коммерсантом. Разумеется, ни о чем подобном я не помышлял. Вряд ли при моем характере и образе мыслей из меня мог выйти дельный коммерсант; мои вкусы, воззрения, мои пристрастия совершенно не сочетаются с этим поприщем. Но в том, как лорд Тайнделл выговорил слово “коммерсант”, звучало такое презрение, столько высокомерного сарказма было в его тоне — что я тотчас решил. Да, отец оставил мне одно только имя — однако я не выношу, когда это имя произносят с пренебрежением. С горячей поспешностью я отвечал, что “да, я не вижу для себя ничего лучшего, как двинуться по отцовской стезе, что я займусь коммерцией”.

Дядюшки не стали мне ничего возражать, и мы простились, уже испытывая друг к другу глубокое отвращение.

Вспоминая теперь ту встречу, я нахожу, что поступил совершенно правильно, сбросив с себя бремя тайнделловской опеки; однако в то же время я глупо подставил свои плечи под не меньшую тяжесть, которой, конечно, прежде никогда не подымал.

Я немедленно написал Эдварду — ты, кажется, знаешь Эдварда, — единственному моему брату, который старше меня на десять лет. Тот женился на дочери весьма состоятельного фабриканта, теперь имеет свое предприятие и занимается тем же, чем занимался и отец, пока не прогорел. Кстати сказать, отец, слышавший в округе Крезом, незадолго до кончины лишился всего состояния, и моя мать шесть месяцев по его смерти жила в непрестанной нужде, не получая никакой помощи от своих братьев-аристократов, которых она смертельно оскорбила, сочетавшись с Кримсвортом, ***ширским фабрикантом. По истечении этих шести тяжелых месяцев она произвела меня на свет, сама же его покинула, причем, полагаю, без особого сожаления, ибо могла надеяться на какое-то успокоение в том мире.

Родственники отца взяли на попечение как Эдварда, так и меня, и пеклись обо мне девять лет. К тому времени случилось, что место представителя одного значительного городка нашего графства оказалось вакантным, и мистер Сикомб выставил свою кандидатуру. Кримсворт, мой дядя, человек расчетливый и хитрый, воспользовался удобным случаем и написал кандидату довольно свирепое письмо, где предупреждал его, что, если мистер Сикомб и лорд Тайнделл откажутся как-либо вспомоществовать детям своей покойной сестры, он предаст огласке их жестокосердное отношение к вышеупомянутой сестре и сделает все возможное, чтобы воспрепятствовать избранию мистера Сикомба. Мистер Сикомб и лорд Тайнделл прекрасно знали, что Кримсворты из той породы людей, представители которой в намерениях своих непреклонны, а в средствах не слишком щепетильны; знали они также, что Кримсворты имеют немалое влияние в городке К***; посему, делая из нужды добродетель, они согласились взять на себя расходы по моему обучению. Меня отправили в Итон, где пробыл я десять лет, и за все это время мы с Эдвардом ни разу не виделись. Он, повзрослев, занялся коммерцией, и, поскольку помимо призвания у него было в то время больше усердия и ловкости, больше удачи, нежели теперь, на тридцатом году, он довольно быстро преуспел. О его делах я узнавал из редких, скудных посланий, которые Эдвард отписывал мне три-четыре раза в год; письма эти неизменно заканчивались выражением неиссякаемой враждебности к дому Сикомбов; щедроты же их, как утверждал Эдвард, — позор для меня на всю жизнь. Поначалу, будучи еще ребенком, я все не мог понять, почему, росший без родителей, я должен чувствовать себя должником перед дядюшками Тайнделлом и Сикомбом за свое обучение; когда же я подрос и узнал мало-помалу, какая

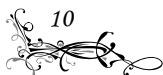

жестокая неприязнь, какая смертельная ненависть стояла между ними и моими родителями, когда узнал обо всех неудачах, постигших наш дом, — вот тогда я устыдился той зависимости, в которой жил все это время, и решил никогда более не принимать никакой помощи из рук, отказавших в куске хлеба моей умирающей матери. Именно под влиянием этих чувств я и отказался от сикомбского прихода и от женитьбы на одной из кузин-аристократок.

Таким вот образом порвав окончательно с дядюшками, я написал Эдварду, изложил все происшедшее и сообщил о своем намерении избрать то же, что и он, поприще. Кроме того, я спросил в письме, не сможет ли он дать мне какую-либо работу. В ответе Эдварда никакого одобрения моим действиям не выразалось, однако он писал, что если я желаю, то могу приехать в ***шир, и он “посмотрит, что можно предпринять, дабы обеспечить меня работой”. Я подавил в себе внутренний протест, заглушил возмущенный этим посланием внутренний голос, сложил чемодан и саквояж и двинулся на север.

Двое суток проведя в пути (железных дорог тогда ведь еще не было), в один дождливый октябрьский день я прибыл в К***. Прежде я считал, что Эдвард живет в этом городе, однако, порасспросив людей, выяснил, что здесь только фабрика мистера Кримсворта, а также огромные склады, видневшиеся сквозь туман на окраине города, в Бигбен-Клоузе; резиденция же мистера Кримсворта была в четырех милях за городом.

Уже поздно вечером я выбрался из дилижанса близ поместья моего брата. Перейдя дорогу, я увидел сквозь сумеречные тени огромный дом за воротами, окруженный обширным участком земли. Я задержался на лужайке напротив и, прислонясь спиной к дереву, раскинувшемуся в самом ее центре, с интересом взгляделся в Кримсворт-холл.

“Эдвард весьма богат, — сказал я себе. — Я знал, что он процветает, но не подозревал даже, что у него такой гигантский особняк”.

Постояв так в раздумьях некоторое время, я прошел через калитку, приблизился к парадной двери и позвонил.

Открыл мне слуга; я назвал свое имя, после чего тот принял мой чемодан и мокрый плащ и проводил в библиотеку с пылающим камином и зажженными свечами на столе; слуга сообщил, что хозяин еще не вернулся из К***, но в течение получаса непременно будет.

Предоставленный самому себе, я устроился у камина в мягком кресле с красной сафьяновой обивкой и, глядя, как мечутся над раскаленными угольями языки пламени, как просыпается сквозь колосник зола, пытался вообразить предстоящее свидание. В предположениях моих одно было несомненно: жестокое разочарование мне определено не грозило; скромность моих надежд мне это гарантировала. Я не предвкушал бурных изъятий братской нежности: все письма Эдварда были точно специально написаны так, чтобы во мне не зародилось никаких иллюзий на этот счет. Тем не менее, пока я сидел в ожидании его прибытия, нетерпение мое все усиливалось; не знаю почему, рука моя, столь непривычная к рукопожатиям родственников, сжалась в кулак, чтобы унять дрожь волнения.

Вспомнив о Тайнделле и Сикомбе, я заключил, что безразличие ко мне Эдварда будет, пожалуй, сравнимо с оказываемым ими холодным пренебрежением. Тут я услышал, как открыли ворота и к дому подкатил экипаж. Итак, мистер Кримсворт прибыл; небольшая заминка, краткий разговор в холле — и шаги его послышались у двери в библиотеку — шаги, возвещавшие о появлении богатого и преуспевающего хозяина дома.

Я смутно помнил, каким был Эдвард десять лет назад — высоким, худощавым, не вполне оформившимся

юношей, — теперь же, поднявшись с кресла и оборотясь к двери, я увидел светловолосого человека атлетического сложения, с красивым властным лицом: в каждом его движении, в осанке, в глазах, в выражении лица сквозили практичность и расчетливость. Эдвард коротко приветствовал меня и, пожимая руку, смерил взглядом; затем он опустился в сафьянное кресло и указал, куда мне сесть.

— Я ожидал вас у себя в конторе, — сказал он; голос его был резковат; кроме того, говорил Эдвард с гортанным северным акцентом, не радовавшим мой слух, привыкший к серебристому говору юга.

— Я справился о вас в гостинице, и хозяин направил меня сюда, — сказал я. — Признаться, я поначалу усомнился в его словах, не зная, что у вас за городом такая резиденция.

— Все это хорошо, — ответил он, — только я полчаса потратил, вас ожидая. Я полагал, вы будете с восьмичасовым дилижансом.

Я выразил сожаление, что ему пришлось ждать; Эдвард ничего не ответил, вместо этого, явно чтобы скрыть раздражение, помешал в камине, затем он снова оглядел меня.

Я рад был, что в первый момент нашей встречи не проявил ни восторженности, ни особой теплоты, что встретил этого человека с холодным, невозмутимым равнодушием.

— Вы совершенно порвали с Тайнделлом и Сикомбом? — спросил он раздраженно.

— Едва ли у нас с ними будет еще какая-либо связь; надо думать, мой отказ от всего ими предложенного исключает возможность дальнейшего общения.

— Хочу предупредить вас с самого начала, — сказал Эдвард, — на двух господ, как говорится, не послужишь. Любые контакты с лордом Тайнделлом исключают содействие

с моей стороны. — Высказав это, Эдвард взглянул на меня с неожиданной и, казалось, ничем не вызванной угрозой.

Не чувствуя в себе ни малейшего желания ему возразить, я утешился мыслью о том, сколь по-разному устроены людские умы. Не знаю уж, что заключил мистер Кримсворт из моего молчания — принял его за проявление упрямства или же решил, что запугал меня своей властностью и непреклонностью.

Опустив на меня долгий, тяжелый взгляд, Эдвард резко поднялся с кресла.

— Завтра, — сказал он, — мы обсудим с вами прочие вопросы; теперь же время ужинать, миссис Кримсворт, на верно, меня заждалась. Вы соблаговолите пройти?

И он размашистым шагом вышел из библиотеки; я последовал за ним. Идя через холл, я попытался представить миссис Кримсворт. “Из того ли она разряда людей, что Тайнделл, Сикомб и его дочери, или этот вот любящий родственник, вышагивающий впереди? Может, она окажется выше их? Может, в ней я найду родственную душу и смогу раскрыть истинную мою сущность; или, может стать...” Тут размышления мои были прерваны: я вошел в столовую.

Светильник под матовым стеклянным колпаком освещал уютную, обшитую дубом комнату. Ужин уже подали. У камина, явно в ожидании нашего прихода, стояла молодая женщина, высокая и недурно сложенная, облаченная в красивое, модного покроя платье, — все это я отметил, едва вошел. Встретились они с мистером Кримсвортом весело и оживленно; при этом миссис Кримсворт полуигриво-полулюбовленно побранила его за опоздание; голос ее (а для меня голос всегда немаловажен, когда я сужу о чьем-либо характере) — голос ее был живой и звонкий, указывал он, как я тогда заключил, на легкость и жизнерадостность обладателя. Мистер Кримсворт умерил ее наигранный гнев

поцелуем — поцелуем первой поры супружества (семейной их жизни не было еще и года), — и миссис Кримсворт усе-лась за стол в превосходном расположении духа.

Обнаружив наконец мое присутствие, она извинилась, что не заметила меня прежде, и пожала мне руку с тою радостной порывистостью, каковую юные леди в минуты душевного подъема проявляют ко всем, даже к самым безразличным к их расположению. Я отметил про себя, что стан ее и впрямь красив, черты лица излишне крупны, однако приятны; волосы же ее были рыжие — совершенно рыжие. Супруги Кримсворт болтали без умолку, и все в том же изривом духе; она сердилась (вернее, изображала рассерженность) на то, что он велел заложить в кабриолет норовистого коня, чем заставил ее немало поволноваться; время от времени миссис Кримсворт обращалась ко мне:

— Не правда ли, Уильям, это просто нелепо. Эдвард уверждает, что будет запрягать только Джекки, а не дру-гую лошадь, при том что это чудовище уже дважды опро-кинуло его экипаж.

Говорила она с легкой шепелявостью (впрочем, не раз-дражающею слух), по-детски. В лице ее, с отнюдь не дет-скими чертами, также было нечто младенчески наивное; эта шепелеватость и детские гримаски были, без сомне-ния, очаровательны в глазах Эдварда, да и многим мужчи-нам показались бы довольно милыми — только не мне. Я ловил ее взгляд, надеясь обнаружить в глазах этой жен-щины ум, которого не ощущалось в чертах и в речи; взгляд был весел и быстр, в его переменчивости мелькали ожив-ленность, тщеславие, кокетство — но тщетно искал я хоть просвета ее души. Признаться, я не особый ценит-ель восточных прелестей; белоснежная кожа, карминные губы и нежный румянец, гроздь блестящих локонов — ни-что для меня, если при этом нет прометеевой искры, что будет жить, когда розы и лилии увянут, а вместо блеска

в волосах останется лишь пепел седины. Когда солнце и удача улыбаются, хорошо распускаться и цвести; но сколько в жизни дождливых дней, дней ноябрьской тоски, когда в доме и в сердце человеческом холодеет без чистого, живого блеска души и ума.

Итак, взглядевшись в пустую страницу лица миссис Кримсворт, я, разочарованный, невольно вздохнул; она же, надо полагать, приняла это как дань своей красоте, и Эдвард, который, очевидно, гордился богатой и милостивой избранницей, метнул в меня насмешливо-сердитый взгляд.

Я отвернулся от них и скучающе обвел взглядом столовую. На стене по обе стороны от камина я увидел по картине. Оставив мистера и миссис Кримсворт поддразнивать друг друга в их веселой беседе, я целиком сосредоточился на портретах. Изображенные на них леди и джентльмен одеты были по моде где-то двадцатилетней давности. Портрет джентльмена был затенен, и я не мог хорошо его рассмотреть. Леди же в смысле освещения имела преимущество за счет чуть приглушенного абажуром светильника. Я тотчас узнал ее, ибо видел эту картину еще в детстве; на ней написана была моя матушка. Эта и вторая картина составляли фамильные наши ценности, которые единственные удалось спасти, когда все отцовское имущество пошло с молотка.

В детстве я, помнится, любовался этим лицом, потом не понимал его красоты; теперь же я знал, как редко встречается такой тип лица, и только сейчас сумел понять и оценить его задумчивую прелесть и душевность. Столько очарования и неподдельной нежности было в этих серьезных серых глазах, в светлых и выразительных чертах... Я пожалел, что передо мной всего лишь картина.

Довольно скоро я оставил мистера и миссис Кримсворт, и слуга проводил меня в отведенную мне комнату;

вот тогда, затворив дверь, я тем самым разом затворился от всех, уйдя в себя и надолго отдалившись от какого бы то ни было общества — и от твоего, Чарлз, в том числе.

На сем пока прощаюсь, Уильям Кримсворт».

Ответа на свое письмо я не получил; приятель мой, как выяснил я позже, получил назначение в одну из колоний и уже отправился к месту своей службы. Что случилось с ним после, даже и не знаю. Ту историю, что я собирался изложить в частной переписке, теперь посвящаю аудитории более широкой. Тех читателей, что подвизались на том же поприще, что и я, она непременно заинтересует, и мои наблюдения они найдут созвучными своему опыту. Письмо же, приведенное выше, послужит вступлением к моему повествованию. Теперь продолжаю...

Глава II

*П*ервый встреченный мною день в Кримсворт-холле выдался ясным. Спозаранку я был уже на ногах и прогуливался близ дома. Осеннее солнце поднялось над ***ширскими холмами, высветив радующую взор картину; по-осеннему буроватые рощицы и колки разнообразили сжатые поля; река, скользящая меж рощами, отражала холодное октябрьское солнце и небо; местами по берегам ее, точно стройные башни, высились трубы полускрытых деревьями фабрик; там и сям, словно облюбовав получше местечки на склонах холмов, расположились строения вроде Кримсворт-холла; в целом пейзаж сей внушал ощущение кипучей деятельности и изобилия — существование же фабрик, паровых машин и прочей техники лишало его романтической первозданности. За пятью милями лежащая меж низких холмов долина вместила в свою чашу большой

город К***, над которым сейчас нависала густая, неподвижная пелена — там-то и располагалось предприятие Эдварда.

Довольно долго я рассматривал открывшуюся мне картину; и, когда я понял, что сердцу моему она не приносит ни малейшей радости, что вид этот не пробуждает во мне никаких надежд, естественных для человека, видящего перед собой арену своей будущей карьеры, — я сказал себе: «Уильям, чего роптать на обстоятельства; ты глупец и сам не знаешь, чего хочешь; ты сам избрал для себя этот путь и — никуда не денешься — будешь коммерсантом. Взгляни! — продолжал я. — Видишь черный дым вон в той ложбине? Так знай, что там и будет твое поле деятельности! Там ты уже не сможешь мечтать, не сможешь подолгу предаваться размышлениям — там ты погаснешь душою и будешь только работать».

Наставив себя таким образом, я вернулся в дом. Брат вышел уже в столовую. Поздоровался я с ним довольно холодно; Эдвард стоял у камина спиной к огню — сколько неприязни прочитал я в его глазах, когда подошел пожелать доброго утра! Он кивнул, буркнул в ответ: «Доброе утро», затем схватил со стола газету и принялся изучать ее с видом высокопоставленной особы, ищущей любой предлог, чтобы только избавиться от докучливой мелкой сошки. Хорошо, я настроился перетерпеть некоторое время, иначе я едва ли смог бы заглушить в себе все возраставшую неприязнь к Эдварду.

Я смерил взглядом его крепко сбитую, внушительных размеров фигуру. Потом посмотрел на собственное отражение в зеркале над камином — и занялся сопоставлением двух этих особ. Лицом я был несколько похож на Эдварда, хотя и не был красив: черты лица у меня были неправильные. Намного уступал я и телосложением: я был худощав и не столь высок. В отношении физическом Эдвард, безусловно, меня обошел; но сумеет ли он утвердить

верховенство в плане умственном, как человек, у которого мне предстоит служить, — ибо от него не следует ожидать львиного великодушия к слабому; холодность и расчетливость, сквозящие в его глазах, его жесткая, отталкивающая манера держаться говорили о том, что пощады не будет. Победил ли я его умом в итоге? Не знаю. Да я никогда особенно и не пытался...

Появление миссис Кримсворт на время отвлекло меня от этих мыслей. Она была удивительно хороша в белом платье и вся благоухала утренней свежестью. Я заговорил с ней с легкой непринужденностью, оправдываемой, как мне казалось, ее вчерашней беззаботной веселостью; однако ж миссис Кримсворт отвечала мне холодно и весьма сдержанно: разве могла она допустить какие-либо фамильярности со служащим своего мужа.

Только покончили с завтраком, как мистер Кримсворт объявил, что экипаж вот-вот подадут и что через пять минут он ждет меня, чтобы отправиться в К***. Я не заставил долго себя ждать, и вскоре мы уже были в пути. В кабриолет впрягли именно то несносное животное, так пугавшее миссис Кримсворт. Пару раз Джек пытался было выказать свой непокорный нрав, однако сильные и точные удары хлыстом в безжалостной руке хозяина быстро заставили его смириться; Эдвард в ярости раздувал ноздри и явно гордился одержанной им в этом состязании победой. За всю дорогу он ни разу не заговорил со мной, лишь время от времени сквозь зубы проклинал коня.

Когда мы добрались до К***, в городе царили оживление и суэта; мы прокатились по чистым улочкам с жилыми домиками и магазинами, церквями и трактирами; затем въехали в скопление фабричных построек, складов и, наконец миновав массивные ворота, оказались на огромном мощеном дворе — это и был Бигбен-Клоуз. Перед нами была фабрика, извергавшая копоть из высоких труб и дрожавшая

толстыми кирпичными стенами от напряженной работы чугунных котлов. На дворе туда и сюда, мимо тележки с материалом, сновали рабочие. Мистер Кримсворт оглядел двор хозяйским оком, разом ухватив все в малейших подробностях; он выбрался из кабриолета, передал коня с экипажем на попечение человека, поспешно принявшего у него вожжи, и велел мне пройти за ним в контору.

Интерьером контора разительно отличалась от апартаментов Кримсворт-холла — помещение, предназначенное исключительно для работы, с голым деревянным полом, шкафом, двумя конторками с высокими табуретами и несколькими стульями. Восседавший на табурете за одной из конторок джентльмен при появлении мистера Кримсворта снял шляпу и тут же снова погрузился в работу.

Мистер Кримсворт снял макинтош и сел поближе к огню. Я остался стоять; наконец он произнес:

— Стейтон, соблаговолите удалиться, мне надо обсудить с этим джентльменом кое-какие дела. Возвращайтесь, как услышите звонок.

Человек за конторкой мигом встал и вышел, плотно закрыв за собой дверь. Мистер Кримсворт пошевелил в камине, затем скрестил руки на груди и минуту сидел в раздумье, поджав губы и нахмурясь. От нечего делать я стал его разглядывать. С каким изяществом вырезаны его черты! Сколько красоты в этом облике — и какой контраст с тяжестью и тупой ограниченностью в глазах и выражении лица.

Обернувшись ко мне, Эдвард резко заговорил:

— Итак, вы прибыли в ***шир, чтобы научиться предпринимательству?

— Да.

— И что, вы настроены решительно?

— Да.

— Что ж, ладно. Помогать вам я не обязан, но у меня есть вакантное место, может, вы окажетесь для него при-

годны. Я возьму вас с испытанием. Что вы умеете делать? Знаете ли вы хоть что-нибудь, кроме того вздора, которому вас обучили в Итоне, вроде греческого да латыни?

— Я изучал и математику.

— О да! С позволения сказать, изучали.

— Я умею читать и писать по-французски и по-немецки.

— Гм...

Минуту он подумал, затем выдвинул ящичек ближайшей к нему конторки, извлек оттуда письмо и подал мне.

— Вот это прочтете? — спросил он.

Письмо было деловое, коммерческое, на немецком; я перевел его; затрудняюсь сказать, остался ли удовлетворен мистер Кримсворт моим переводом, — лицо его ничего не выражало.

— Хорошо, — сказал он, немного помолчав, — что вас ознакомили хоть с чем-то полезным, что сможет обеспечить вам пропитание и жилье; поскольку вы знаете французский и немецкий, я приму вас к себе клерком, будете вести иностранную корреспонденцию. Я положу вам неплохое жалованье — девяносто фунтов в год. А теперь, — продолжал он, возвысив голос, — хочу сказать вам раз и навсегда по поводу нашего родства и прочей подобной чепухи: никаких недоразумений на этот счет быть не должно; мне это совершенно ни к чему. Я не буду снисходителен к вам потому только, что вы мне приходитесь братом; если я обнаружу у вас недостаток ума, небрежность, рассеянность, леность или другие пороки, идущие в ущерб интересам моего предприятия, я рассчитаю вас, как любого другого служащего. Девяносто фунтов в год — деньги немалые, и за них я ожидаю получить от вас сполна; помните также, что действительную ценность здесь имеют лишь деловые качества — привычки, чувствования и образ мыслей исключительно *делового* человека. Вы меня понимаете?